БАРАНОВСКІЙ,

ИЛИ

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

МАЛОРОССІЯНЪ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ БЫЛЬ

XVIII СТОЛѢТІЯ.

Часть Первая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва. 1835 года, Генваря 26 дня.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 315906
„.....“ ..... 193 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Замокъ Пана Барановскаго. — Вечерняя прогулка Петруся. — Возвращеніе домой. — Разговоръ съ Грицкою. — Мечтанія.

Вечерняя заря разливала мрачный свѣтъ свой по небосклону, лампада небесъ — луна, медленно вытекая изъ-за горъ, освѣщала блѣднымъ своимъ свѣтомъ готическія стѣны древняго замка Пана Барановскаго; давно погашены были огни, освѣщав-

шіе его, и услужливая челядь покоилась въ объятіяхъ Морфея. Повсюду господствовало мертвое молчаніе, изрѣдка прерываемое свистомъ вѣтра, завываніемъ совы, колебаніемъ волнъ, отъ близь протекавшей рѣки, и протяжными криками часовыхъ.

Въ это время молодой Паничь, сынъ стараго Пана Барановскаго, мчался между скалъ на удаломъ жеребцѣ. Его лице, быстрый, проницательный взоръ, воинскій нарядъ предвѣщали нѣчто величественное; но по его усталой лошади, по замѣтному изнеможенію въ лицѣ, можно было заключить, что онъ совершилъ большое путешествіе. Лошадь величавою рысью приблизилась къ воротамъ замка и, подвиженію ѣздока, остановилась.

Паничь слѣзъ и началъ стучаться. Громогласное эхо удвоило его стукъ

перекатами своими изъ скалъ въ сосѣдній лѣсъ, что заставило пробудиться молодаго Кастелана.

» Кто тамъ? и въ такую пору? сердито спросилъ Кастеланъ, подходя къ воротамъ замка.

— Отворяй скорѣе, Грицко, проговорилъ пріѣхавшій.

» Это вы, Петрусь; а я думалъ, что нынче изволите вы ночевать у Пана Слыщенко, « сказалъ Грицко, отворяя ворота.

— Тебѣ ли, чернамазая башка, думать объ этомъ. На-ка, прикажи поскорѣе отвести лошадь мою на конюшню, снять съ нее чепракъ и засыпать овса. Слышишь ли?

» Слышу, сударь.«

— И смотри, чтобы никто....

» Понимаю-съ, понимаю-съ!...

Какъ бьется тогда сердце юноши несчастнаго и вмѣстѣ счастливѣйшаго изъ смертныхъ, когда его дрожащія руки обнажаютъ аллебастровую грудь, или когда онъ воображаетъ о черныхъ, какъ крыло ворона, волосахъ предмета любви своей, небрежно разсыпанныхъ *по высокому челу*.... Но нѣтъ, не въ силахъ перо выразить пылкихъ чувствъ, которыя скрываются въ груди влюбленнаго. Это предоставлено нѣжнымъ, страстнымъ сердцамъ, способнымъ чувствовать любовь. Они одни могутъ воображать о той сладости, о томъ блаженствѣ, которое представляетъ имъ эта страсть и съ этимъ вмѣстѣ открываетъ свои таинства и ведетъ въ храмъ спокойствія, успѣхъ, наслажденій.... Въ такомъ состояніи души находился и молодой Паничь, когда онъ медленными

шагами приближался къ своей спальнѣ. Его воображенію представлялся образъ милой Прони: воспоминанія объ ея разговорахъ, объ ея прелестяхъ и совершенствахъ восхищало его до невѣроятности.

»Скоро ли увижусь съ нею? Скоро *ли опять буду дышать* однимъ съ нею воздухомъ? Скоро ли прильну къ груди ея? говорилъ самъ себѣ молодой Паничъ. И будучи погруженъ въ сіи размышленія и ожидая счастливой минуты, онъ сѣлъ въ кресла своего дѣда и предался могущественной волѣ Морфея.

Снова воцарилось въ замкѣ глубо*кое молчаніе и распространилось* мирное спокойствіе и тишина.

Свѣтозарная Аврора начала озарять востокъ, сладко-звучный соловей ус-

ладительною своею пѣснію начиналъ пробуждать пастуховъ, и ихъ рогъ, какъ вѣстникъ утра, уже игралъ, но Петрусь находился въ объятіяхъ сна.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тревога въ замкѣ. — Портретъ Барановской. — Мечты Петруся. — Разговоръ сына съ отцемъ. — Обморокъ.

Рано по утру въ замкѣ видна была бѣготня, послышался стукъ и крикъ, что предвѣщало что-то необыкновенное. Старый Панъ Барановскій, противъ своей привычки: вставать въ десять часовъ, всталъ уже давно, мрачно размышлялъ о приготовленіяхъ къ будущему балу, раз-

давалъ приказанія вѣрному Кастелану замка и спарался дабы все отзывалось пышностью и роскошію.

Заботливая Панна Барановская, женщина лѣтъ пятидесяти пяти, была одѣта хотя довольно просто, но со вкусомъ: на ней было надѣто холстинковое платье, застегнутое до самаго верху. Правильныя черты лица, одушевляемыя большими черными глами, исполненными еще огня, и всегдашняя улыбка на устахъ придавали ей видъ доброты и величія. Она, съ выраженіемъ веселости въ чертахъ своего лица, вошла съ своими дѣтьми въ кабинетъ мужа, дабы его поздравить съ наступившимъ днемъ его ангела, а меньшой сынъ ихъ, Илюша, проговорилъ наизусть заздравные стихи, сочиненные наканунѣ имянинъ домашнимъ его учителемъ. Когда же

Священникъ, отецъ Иванъ, послѣ обѣдни принесъ просфору и поздравилъ стараго Пана, то вскорѣ послѣ этаго начали пріѣзжать также съ поздравленіемъ Барановскаго знаменитые Малороссійскіе Бояре, уважавшіе стараго Пана за его добродѣтельную *жизнь, но — болѣе за богатство.*

»Гдѣ она, ангелъ души моей?« грустно размышлялъ Петрусь, потягиваясь на большихъ креслахъ; — »скороли увижусь съ нею?...« — Какъ бы опомнясь: — »Но пора, кажется, идти къ батюшкѣ.« — И кликнувъ своего слугу, приказалъ подавать одѣваться. Будучи готовъ, онъ отправился къ своему отцу для отданія ему сыновней признательности, стараясь при этомъ случаѣ скрывать свое раз-

стройство и задумчивость, но однако это не скрылось отъ проницательнаго взора его родителя.

Панъ Барановскій, замѣтивъ унылое лице своего сына въ такой торжественный день, въ который, кажется, взаимно участвовала въ его радостяхъ сама природа, не могъ не спросить у него о причинѣ скуки.

» Петрусь! « грозно сказалъ онъ ему, » отъ чего нынче ты такъ мраченъ? Скажи мнѣ откровенно. Я на твоемъ лицѣ примѣчаю какую-то унылость, не бывалую до сего времени. Скажи мнѣ объ этомъ какъ отцу, какъ другу. Неужели день моего ангела, можетъ быть, послѣдній подобный день въ моей жизни, не можетъ развеселить тебя? неужели общая радость нашихъ Пановъ не трогаетъ тебя?... Можетъ быть, завтрешній день на

этомъ столѣ, въ этой же комнатѣ, увидишь прахъ твоего родителя, столь долго служившаго Царю и Отечеству, столь долго заботившагося о твоемъ воспитаніи, о твоемъ счастіи, и неужели послѣ этаго вся твоя благодарность за мои о тебѣ заботы и попеченія будетъ состоять въ томъ, чтобы я смотрѣлъ на мрачный твой взоръ, видѣлъ твои неудовольствія тогда, когда мои богатства, пріобретенныя трудами, остаются единственно для тебя, какъ вмѣстѣ съ этимъ и самая моя слава, стоющая трудовъ, исканій.... Повторяю: скажи мнѣ, милый Петрусь, причину твоей горести, открой мнѣ душу свою; я для твоего счастія готовъ пожертвовать собою, готовъ умереть, лишь бы только твоя рука закрыла мои глаза.«

Петрусь бросился на колѣни предъ своимъ отцомъ, цѣловалъ его руки и не хотѣлъ скрыть своей привязанности къ обожаемой имъ Пронѣ.

» Батюшка! « началъ говорить онъ, » вамъ угодно знать причину моей горести, извольте, я готовъ открыть ее. «

— Говори, говори, сынъ мой, сказалъ скоро Панъ Барановскій.

» Моя скука отъ того, добрый батюшка, что я видѣлъ удивительный, ужасный сонъ. Ахъ! я не могу даже безъ ужаса пересказать его! Дыханіе мое останавливается, голосъ замираетъ, волосы становятся дыбомъ! «

Въ эту самую минуту ручьи слезъ потекли изъ темно-голубыхъ глазъ Панича; послѣдовавшій за симъ сильный обморокъ заставилъ его замолчать. Старый Панъ, стараясь успо-

коить своего сына и привести въ чувства, перестaлъ его распрашивать, и приказалъ Кастелану зáмка отправить нарочнаго гонца въ ближній городъ за докторомъ, а самъ съ тоскою въ душѣ, которую однако старался скрывать, пошелъ въ гостиную для *принятія пріѣзжавшихъ гостей.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Принятія гостей. — Нѣчто о Малороссіи. — Балъ въ домѣ Барановскаго. — Жидъ Ицка Кагаловъ.

Въ пріемной залѣ толпились Гетманы, Воеводы, Бояре, Хорунжіе, Подкаморжіе, Полубояре, ожидая имянинника. Уже услужливый Кастеланъ разводилъ лошадей по конюшнямъ, отпускалъ въ то же время овесъ, сѣно и подчивалъ кучеровъ.

Между тѣмъ гости, ожидая хозяина, разсуждали между собой о причинѣ его замедленія и судили объ ономъ каждый по своему. Но вдругъ въ ближайшихъ комнатахъ къ залу послышались мѣрные шаги имянинника. Все засуетилось. При его входѣ старались всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ поздравлять его съ днемъ ангела и, по видимому, какъ бы заслужить вниманіе.

Панъ Барановскій былъ мущина лѣтъ семидесяти пяти, величественнаго роста, съ важными минами на лицѣ, изображавшими глубокую его задумчивость. Онъ былъ одѣтъ въ бархатный пунцоваго цвѣта шитый золотомъ зипунъ, застегивавшійся большими продолговатыми брилліантовыми пуговицами. Длинные сѣдые усы,

соединявшіеся съ бакенбардами — придавали ему видъ величія и важности.

Его ласковый пріемъ гостей и радушное съ ними обращеніе, вдохнули въ нихъ неподкупную веселость.

» Благодарю васъ, господа, знаменитые Малороссійскіе Паны, за ваше ко мнѣ *вниманіе и расположеніе!* « сказалъ Барановскій съ видомъ важнымъ; »благодарю и — вмѣстѣ съ этимъ прошу сопутствовать мнѣ въ церковь для отслушанія молебна. «

Всѣ были готовы исполнить желаніе хозяина.

По окончаніи службы, изъ церкви отправились всѣ въ столовую, гдѣ былъ изготовленъ по всей формѣ гастрономіи сытый обѣдъ. Фарфоръ и бронза, золото и серебро, роскошь Парижа и искуство Лондона видны были во всемъ блескѣ.

Наконецъ пошли разсказы и разговоры: разумѣется, сначала о погодѣ, потомъ о прежней службѣ, о подданствѣ Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ Царю Алексѣю Михайловичу, о подвигахъ Полуботка, объ его добродѣтеляхъ и мученической, геройской смерти *Искры и Кочубея*, о хитростяхъ и измѣнѣ Мазепы *Петру* Первому; дамы въ свою очередь не скучали слушая разсказы о своихъ дѣдахъ и отцахъ, и съ этимъ вмѣстѣ завели разговоры свои: о чепцахъ и блондахъ, крепахъ и флерахъ, о красотѣ, ловкости, пріятности мущинъ, о танцахъ, музыкѣ и театрѣ, однимъ словомъ, тутъ говорили о всемъ, что было и есть въ мірѣ, что плѣняло и плѣняетъ, очаровывало и очаровываетъ. Наконецъ послышался заздравный тостъ и спруи шампанскаго полились

въ дѣдовскіе бокалы во всѣхъ концахъ стола.

Кто жилъ, или по крайней мѣрѣ былъ въ Малороссіи, тотъ знаетъ, какъ въ сей прелестной странѣ, въ сей второй Италіи, проводятся праздники, что *жители оной не окованы* цѣпями несносныхъ свѣтскихъ приличій, но подобны древнимъ населенцамъ Аркадіи. Въ ихъ бесѣдахъ видны не подкупная свобода, радушіе и чистосердечіе. Тамъ милыя, можно сказать, очаровательныя Малороссіянки въ своихъ національныхъ костюмахъ, своею природной красотою и сердечною откровенностію могутъ даже плѣнить строгаго мезогина, невольно, безъ всякихъ уловокъ заставить любить себя....

Но у имянинника грянулъ оркестръ

музыки. Вспорхнули длинные ряды удалой молодежи. Тамъ можно было увидать удалаго Улана съ милой Гетманшею, далѣе отставнаго Гусарскаго Ротмистра съ Панночкою, еще далѣе можно было видѣть множество лицъ кружившихся въ вихрѣ вальса; но тамъ, *гдѣ сидѣли старики, лилась* вкусная Малороссійская *варенуха*. Словомъ, пили, веселились до упаду всѣ и каждый. Но, быть можетъ, спросятъ, что дѣлалъ Петрусь?.... Онъ мысленно переносился въ страны отдаленныя, въ тѣ страны, гдѣ сдѣлалось тепло и его сердцу, и его душѣ. Думалъ объ одной Пронѣ; *ее* одной не доставало *только на балѣ отца*. Петрусь былъ занятъ ею; она его какъ бы манила къ себѣ, какъ бы знала, но онъ ни гдѣ не встрѣчалъ *ее*, ни гдѣ не находилъ.

На башнѣ замка пробило два часа за полночь и возвѣстило гостямъ о времени ихъ отъѣзда съ роскошнаго пира. Прошелъ еще часъ и у Пана Барановскаго въ комнатахъ жилища его сдѣлалось пустѣе и унылѣе....

Впрочемъ обратимся къ больному.

Я уже сказалъ вамъ, что заботливый отецъ послалъ за докпоромъ. Онъ пріѣхалъ. Но знаете ли вы, добрые читатели, кто таковы доктора въ Малороссіи? Большею частію вы найдете таковыхъ, какой былъ привезенъ къ Пану Барановскому. Это былъ жидъ Ицка Кагаловъ, славившійся когда своимъ колдовствомъ и какимъ-то дѣлаемымъ имъ зеліемъ. Этотъ жидъ-медикъ вмѣщалъ въ себѣ все, что только вамъ угодно, то есть: онъ былъ и мошенникъ, и колдунъ, и обманщикъ, и воръ, и продавецъ, и по-

купщикъ, однимъ словомъ, Ицка былъ воплощенный порокъ и сочетаніе между собою всѣхъ худшихъ свойствъ племени своего. Но при всемъ этомъ, надобно замѣтить, что онъ былъ многими и уважаемъ.

Панъ Барановскій, по пріѣздѣ Ицки, *по свойственной своей національной* гордости, не обратилъ на него ни какого вниманія и только приказалъ своему Каспелану, какъ человѣку безусловно выполнявшему его приказанія, проводить медика-жида къ больному Петрусю, котораго Ицка своимъ усерднѣйшимъ стараніемъ и прысканьемъ и опираніемъ привелъ въ себя. Да и чего *это стоило ему*: сей *хитрый* Еврей тотчасъ смекнулъ причину болѣзни его и зналъ, какое ему для выздоровленія нужно было дать лѣкарство.

Старый Панъ чрезмѣрно обрадовался, когда узналъ, что Петрусь выздоровѣетъ на другой же день, по чему щедро заплативъ Ицкѣ за визитъ, отправилъ его на своихъ лошадяхъ опять въ городъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зала. — Панночки: Барановская и Слыщенкова. — Объясненія страшнаго сна. Прозвища.—Любовь. — Завербованный Уланъ Шелухавка.

Ицка помогъ.

На другой день по утру молодой Паничь явился въ комнатахъ своего отца. Старый Панъ еще не выходилъ. Въ это время Петрусь думалъ о своемъ снѣ и о его разсказѣ отцу, что наводило на него и страхъ и

грусть. Тутъ отворилась дверь залы и вошла Панночка Барановская, сестра Петруся. Она была мила, какъ Гурія рая Магометова. Длинные волосы каштановаго цвѣта, мягкіе какъ шелкъ Дагестана, были завиты въ кольцы и раскинуты по алебастровой ея шеѣ; прелестный станъ, голубые глаза, алыя щеки, мелодическій голосъ невольно плѣняли каждаго мущину, не смотря на то, что Панночка имѣла отъ роду только принадцать лѣтъ. Да и можно ли быть равнодушнымъ при совершенствахъ красоты?

Радушно поздоровавшись съ братомъ, она спросила его о здоровьѣ, а съ эпимъ вмѣстѣ разсказала о балѣ, о своемъ и общемъ веселье, которое было полько чуждо Панночки Слыщенковой. »Всѣ хотѣли, братецъ, ви-

дѣть васъ,« говорила сестра Петруся, »всѣ крайне сожалѣли о нездоровьи вашемъ; а что касалось до нашего папеньки, то я не умѣю даже выразить вамъ его разстройства. Ахъ, какъ онъ обрадуется, увидавъ васъ выздоровѣвшимъ!... Да вотъ, кажется, *идетъ и онъ.* «

Точно, Панъ Барановскій съ женою и другими дѣтьми вошелъ въ залу. Всѣ окружили Петруся, всѣ были рады, видя его почти здоровымъ; каждый разспрашивалъ его, что онъ чувствовалъ и, можетъ быть, вопросамъ не было бы конца, если бы не вошла экономка и не доложила, что готовъ чай. Во время чаю Петрусь былъ разсѣянъ, задумчивъ, что̀ отнесли къ продолжавшейся его болѣзни, но его мысли занимало открытіе отцу тайны.

По окончаніи чая, Панъ Барановскій взялъ за руку своего сына, всталъ и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ садъ.

»Ну! Петрусь,« сказалъ отецъ войдя въ садъ, » съ нами теперь нѣтъ ни кого, такъ разскажи мнѣ твой страшный сонъ. Онъ удивительно какъ меня интересуетъ, а еще болѣе тѣмъ, что когда ты хотѣлъ мнѣ разсказывать его, то съ тобой отъ ужаса случился въ то время обморокъ. Должно полагать, что этотъ сонъ предвѣщаетъ или мою смерть, или нашему семейству какое нибудь несчастіе. «

— Извольте слушать, батюшка, сказалъ Петрусь; только прошу васъ, на меня не сердиться, если я скажу вамъ всю истину.

» Говори, говори, я готовъ слушать все. «

— И такъ вооружитесь же терпѣніемъ, я начинаю.

» Мнѣ снилось, батюшка, что будтобы мы двое пошли какъ-то вечеромъ прогуливаться на нашу Юхновскую дачу. Было чрезмѣрно жарко. Солнечные лучи перпендикулярно ударяли намъ въ голову, и вы противъ вашего правила: беречься воды—рѣшились со мною купаться. Подходимъ къ рѣкѣ Деснѣ, раздѣваемся, начинаемъ купаться, какъ вдругъ откуда ни возмись огромной величины чудовище; оно бросается на васъ, схватываетъ и утаскиваетъ въ глубину рѣки. Я, не умѣвшій плавать, бросаюсь въ пылу моей горячности за вами и, увы! начинаю погибать; но, къ счастію моему, меня преслѣдуетъ какой-то невидимый ангелъ-хранитель: онъ бросается за мной, схватываетъ меня за

волосы, вытаскиваетъ на берегъ, гдѣ я долгое время лежалъ безъ чувствъ, и даже не помню какимъ образомъ пришелъ въ себя. Опамятовавшись, я осмотрѣлъ около себя и увидѣлъ дѣвушку красоты чрезвычайной. Начинаю присматриваться хорошенько, протираю глаза и узнаю—кого бы вы думали? Дочь намъ извѣстнаго Бурбелы. Я хотѣлъ было съ нею говорить; но она предупредила мои вопросы, и ни отвѣчая ни единаго слова, обняла меня своими лилейными руками и прижала къ груди. Я въ ту минуту воображалъ, что нахожусь будто бы въ другомъ мірѣ; ея дыханіе смѣшивалось съ моимъ; лице, не смотря на то, что было омочено холодными ручьями воды, вдругъ разгорѣлось какъ сильное пламя отъ зажигательнаго стекла. Тогда я, батюшка, въ первый

разъ въ моей жизни рѣшился сорвать съ полуотверзстыхъ устъ милой Прони сладостный поцѣлуй. И знаете ли какъ онъ глубоко проникъ въ мое сердце! Ахъ! этотъ гибельный поцѣлуй, какъ всепожирающій огонь, сжегъ меня всего и затмилъ мой разсудокъ какимъ-то *туманомъ любви и сладострастія!* *Я* невольно, подобно нѣжному маку, отягченному каплями майскаго дождя, преклонилъ свою голову на алебастровую грудь Прони. Русые волосы ея, разсыпанные по плечамъ прелестными кудрями, были развѣваемы дыханіемъ нѣжныхъ зефировъ, касались моихъ ланитъ, и я вполнѣ осыпалъ ихъ сладчайшими поцѣлуями. Съ тѣхъ поръ, батюшка, почувствовалъ я къ ней какое-то таинственное благоговѣніе, извѣстное сердцамъ чувствительнымъ; съ тѣхъ поръ

я объ ней сталъ думать и, къ несчастію моему, сталъ объ ней грустить.... Послѣ первыхъ восторговъ, я началъ разспрашивать объ васъ; но.... она тяжело вздохнула, вскрикнула; я заплакалъ, слезы градомъ покатились съ моихъ рѣсницъ, и я—я проснулся.«

—И *только?* грозно сказалъ *старикъ.* Твой сонъ, сынъ мой, кажется, особеннаго не показываетъ ни чего, отъ чего бы тебѣ можно было приходить въ обморокъ.

» Ни чего особеннаго, говорите вы! Но знаете ли, батюшка, когда на канунѣ вашихъ имянинъ, въ праздникъ Ивана *Купалы,* пріѣхалъ я поздно ночью?... Такъ что же? въ то время ѣздилъ я въ городъ, дабы полюбоваться, какъ наши миленькія городскія дѣвушки, въ розовыхъ вѣнкахъ, небреж-

но надѣтыхъ на голову, перескакиваютъ чрезъ кучи накладеннаго бурьяна. Подъѣзжая къ городу, я это замѣтилъ на большой Кіевской дорогѣ. Одна изъ пировавшихъ осебенно привлекла мое вниманіе. То была дѣвица очаровательной наружности. Прелестнѣйшее *ея лице было одушевлено какою-то ангельскою улыбкою*, прекраснѣйшіе свѣтло-русые волосы были распущены по плечамъ, руки, бѣлизны очаровательной, нѣжныя были обнажены. Все это вмѣстѣ въ одномъ существѣ было обворожительно!... Я подъѣзжаю къ ней, завожу съ ней разговоръ; она преумно отвѣчала мнѣ на всѣ мои вопросы, и, какъ можно было замѣтить, съ нѣкоторою застѣнчивостію и задумчивостію. Такое ея замѣшательство чрезвычайно поразило мое сердце; а вы знаете сами,

добрый батюшка, печаль любимыхъ нами людей оскорбляетъ наше сердце.

» Какъ! что это значитъ? развѣ ты въ нее влюбился?«

— Выслушайте же меня, батюшка, далѣе.

» Я началъ распрашивать ее о причинѣ замѣтной грусти, о ея печали въ такой праздникъ и при томъ въ такую погоду, когда, кажется, сама Природа споспѣшествуетъ ихъ благополучію, ихъ радости. Она мнѣ улыбнувшись отвѣчала, что если я принимаю участіе въ ея грусти, то она хочетъ быть со мною откровенна. Послѣ сего она просила меня сѣсть возлѣ нее на травѣ. Когда я сѣлъ, она сказала мнѣ:« теперь готова я, Паничь, открыть вамъ причину моей грусти, теперь вы узнаете, отъ чего я такъ печальна. Но извините моему слабоду-

шію, если я должное къ вамъ почпеніе нарушу нескромностію, откровенностію. Прежде нежели когда нибудь я васъ видѣла, уже была наслышана, какъ о вашемъ почтенномъ родителѣ, такъ и о васъ, прославившемся своими благодѣяніями, почему хотѣла видѣть мѣсто вашего жилища, и въ моемъ сердцѣ таилось непреодолимое желаніе встрѣтиться съ вами. Теперь судьба свела насъ, но въ такомъ мѣстѣ и при такомъ собраніи, гдѣ я всячески остерегаюсь показаться еще болѣе скромною, нежели какова я есть.« Тутъ назвала она меня по имени, и я узналъ, что это была та дѣвушка, которую я видѣлъ во снѣ. Это была милая, прелестная, очаровательная, умная Проня. Когда она меня назвала по имени, я не могъ удержать порывовъ чувствъ моихъ: мое сердце за-

трепетало, казалось, потряслась вся внутренность. Я бросился къ ней, прижалъ ее къ своей груди; сердца наши долго бились, одно подлѣ другаго, и завѣтъ сердечныхъ привѣтствій запечатлѣлся поцѣлуемъ. Я ей предложилъ свою руку, свою душу, всю мою жизнь; тутъ же предъ всѣмъ собраніемъ, столь многочисленнымъ, поклялся я ей въ вѣрности, въ любви, поклялся въ томъ, что кромѣ одной ее не буду принадлежать ни кому. «

» Такъ вотъ, любезный, причина твоей грусти! « сказалъ сердито Панъ Барановскій. » Постой же, мой милой, у меня есть лѣкарство отъ такого недуга.

— Что вы, батюшка! мнѣ кажется, вы изволите сердиться?

» Нѣтъ ничего, « отвѣчалъ отецъ, стараясь показать, что онъ не сер-

дитъ; »мнѣ сдѣлалось отъ чего-то жарко, душно; да это ни чего, я думаю что скоро пройдетъ; а ты извольте продолжать.«

— Въ то самое время, батюшка, началъ Петрусь, высказывая всю истину, какъ меня окружила толпа народа, я—среди ихъ, потребовалъ руки Прони, произнесъ ей сладкозвучное, нелицемѣрное слово *люблю!* Простите минутному своеволію; мнѣ казалось, что на ней женюсь я былъ готовъ въ тотъ же самый мигъ; но она—она съ какою-то величавою гордостію сказала мнѣ: »могу ли я дѣлать это тогда, когда вашъ батюшка обладаетъ несмѣтнымъ богатствомъ, когда онъ въ славѣ, почестяхъ, а я бѣдная, неизвѣстная дѣвушка. О нѣтъ, этаго сдѣлать не возможно, не льзя!« Слыша слова эти, я былъ про-

нутъ до глубины души. — Все это, милая Проня, сказалъ я ей, не составитъ истиннаго благополучія, когда оно не находится въ нашихъ сердцахъ; всѣ эти богатства, вся эта слава, есть ничто иное, какъ одно бездушное тщеславіе, какъ тлѣнность, принадлежащая только однимъ неопытнымъ юношамъ! Любовь, говорилъ я, только одна истинная, пламенная, страстная любовь дѣлаетъ насъ благополучными. Богатства исчезаютъ, какъ облако въ атмосферѣ; слава пропадаетъ, какъ пыль отъ спрыскиванія водой, а истинная любовь вѣчна, безсмертна. Она остается съ нами и за предѣлами гроба; утѣшаетъ насъ въ горестяхъ, въ несчастіи, сопровождаетъ вездѣ и всюду; однимъ словомъ, она неизмѣнна какъ рожденіе человѣка, какъ его смерть.

— Такъ точно, сказала она мнѣ, глубоко вздохнувши, я согласна, что благополучіе заключается ни въ огромныхъ палатахъ, ни въ великолѣпіи, ни въ блескѣ; но, Петрусь, — впери внимательный взоръ свой на небо: тамъ ты увидишь безчисленное множество горящихъ свѣтилъ, увидишь множество планетъ, безпрестанно совершающихъ свой путь по непреложнымъ законамъ вышнихъ судебъ; тамъ увидишь величественное солнце, озаряющее землю и черпоги небесные; и что же? вездѣ великолѣпіе, вездѣ какая-то чудная стройность, гармонія, возбуждающія въ насъ какое-то таинственное благоговѣніе. Увы! для чего же тебѣ, теперь обладающему такою славою, великолѣпіемъ, унижаться чрезъ бракъ съ дѣвушкою, совершенно отъ тебя отдаленною и состояніемъ

и образованіемъ? Не лучше ли тебѣ отыскать такую, которая бы во всемъ могла быть равною тебѣ?

»Точно, она сказала правду, Петрусь,« говорилъ Панъ Барановскій нѣсколько смягчившись; »да и я прошу тебя, пожалуйста оставь эту глупость — любовь, и не занимайся ею болѣе. Я знаю самъ, что съ тобою дѣлать. Если хочешь жениться, невѣста для тебя уже готова давно, и тебя достойна. Не меньше того она умна, хороша собой, знатной фамиліи; а эту дѣвчонку должно отдать за сына Шелухавкина, котораго недавно завербовали въ Уланы; притомъ же чрезъ недѣлю ихъ полкъ пойдетъ въ походъ, то и она съ нимъ, а чрезъ это и тебѣ сдѣлается легче. Не правда ли?«

— Я съ вами согласенъ, батюшка, что мнѣ сдѣлается легче; ибо тогда

я не буду уже чувствовать ни горести, ни сердечныхъ терзаній; тогда я спокойно буду лежать въ сырой землѣ и безчувственно ожидать призывнаго гласа на судъ Всевышняго, когда мы должны будемъ дать отчетъ за дѣла наши.

Панъ Барановскій какъ бы не слыхалъ сказаннаго. »Развѣ тебѣ не нравится дочь знаменитаго нашего Пана Слыщенко? «

— Мнѣ теперь, когда я отдалъ уже свое сердце, когда поклялся въ вѣрности, не можетъ нравиться ни кто; да и могу ли я измѣнить моимъ чувствамъ? Это сверхъ моей природы.

»Ну, хорошо же, Петрусь, я постараюсь сдѣлать для тебя все. «

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мечты стараго Пана. — Отецъ влюбленной Бурбела, покровительствуемый Паномъ Барановскимъ. — Сговоръ. — Нежданный гость. — Умышленное намѣреніе. — Бѣглянка.

Они разстались.

Огорченный старикъ, не сказавъ болѣе ни слова, пошелъ изъ сада медленными шагами въ свою комнату, разсуждая самъ съ собой, какимъ образомъ обвѣнчать бѣдную Проню съ молодымъ новобраннымъ Уланомъ? Онъ долго изыски-

валъ средства, наконецъ рѣшился послать стараго своего Кастелана въ городъ къ Бурбелѣ.

Отецъ Прони былъ гражданинъ города Новгорода-Сѣверскаго, отличавшійся отъ многихъ другихъ своею честностію, прямодушіемъ и добротою. Его *наружность много соотвѣтствовала* душевнымъ качествамъ; а высокій ростъ, широкія плеча, важная поступь показывали его крѣпкое сложеніе и какую-то важность.

Появленіе Кастелана отъ Пана Барановскаго много удивило Бурбелу. Онъ сидѣлъ въ то время въ одной изъ комнатъ своего дома, въ главномъ углѣ которой висѣло нѣсколько образовъ, предъ которыми теплилась лампада; подлѣ одной стѣны стоялъ огромный деревянный шкафъ, напол-

ненный жестяными тарелками и оловянными ложками. Посрединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый бѣлой салфеткой, на коемъ стояли чашки и кипящій самоваръ. За столомъ сидѣла женщина среднихъ лѣтъ, тётка Прони; подлѣ нее самъ Бурбела. Они, казалось, объ чемъ-то спорили.

» Богъ въ помощь, Андрей Ѳедоровичь! » сказалъ Грицко вошедши въ комнату.

— Добро пожаловать, Пане Кастелане! отвѣчалъ съ примѣтнымъ замѣшательствомъ и удивленіемъ старикъ Бурбела.

» Что такъ поздненько кушаете чай, Андрей Ѳедоровичь! продолжалъ Кастеланъ.

— Да такъ, заговорились больно о семейныхъ дѣлахъ.

»А я скажу вамъ радостную вѣсточку, которую принесъ отъ нашего благодѣтеля.« Тутъ началось глубокое молчаніе. Бурбела не зналъ, чему должно было приписать внезапное появленіе въ его домѣ Кастелана, почему и хотѣлъ нетерпѣливо узнать причину.

Наконецъ вожделѣнный посолъ торжественно объявилъ, что вельможному Пану угодно, чтобы дочь Бурбелы вышла за мужъ за сынка Шелухавкина, что онъ берется самъ сдѣлать ей приданое, что мужа ея скоро сдѣлаетъ офицеромъ. Натурально, что все семейство было въ восхищеніи, всѣ радовались такимъ милостямъ, а самъ Бурбела не зналъ какъ благодарить такого гостя за такую пріятную для него вѣсточку.

Прони въ это время не было дома.

Она ходила съ подругами прогуливаться по берегу величественной Десны и смотрѣть тамъ, какъ по сей рѣкѣ быстро стремились изъ Брянска въ Кіевъ байдаки, нагруженные разными товарами. Иные изъ нихъ отправлялись прямо, по теченію рѣки, въ Пироговку, маленькую деревню, отстоящую отъ Новгорода-Сѣверскаго верстъ на двѣнадцать, гдѣ обыкновенно была ихъ пристань; другіе же останавливались у пристани Новгорода - Сѣверскаго, подлѣ высокой горы, извѣстной у жителей тамошняго края подъ именемъ *за́мка*, гдѣ нѣкогда, какъ говорятъ, были выкопаны большіе котлы съ деньгами, зарытые будто бы во времена самозванцевъ. Тамъ, подлѣ сей горы, была и Проня, смотрѣвшая, какъ нѣкоторые лоцманы забрасывали въ песокъ

якори и приносили благодареніе за благополучное плаваніе. Уже множество стекшагося народа толпились на байдакахъ, въ томъ числѣ была и Проня съ своими подругами. Онѣ разсматривали нѣкоторыя привезенныя вещи, тутъ продававшіяся, и ей понравился одинъ шелковый платокъ. Проня рѣшилась его купить; послѣ чего вскорѣ отправилась домой.

Едва только она вступила въ переднюю комнату, какъ отецъ встрѣтилъ ее со слезами на глазахъ; онъ съ умилительною радостію прижалъ ее къ своей груди, осыпалъ поцѣлуями, долго не выпускалъ изъ своихъ объятій и долго не знала Проня причины его радости. Наконецъ ей было объявлено, что она должна выдти за мужъ за молодаго Улана.

При семъ извѣстіи, поразившемъ

ее какъ громомъ, долго стояла она какъ вкопаная, долго не могла произнести ни одного слова и, разсуждая сама съ собой, даже не знала, что отвѣчать отцу своему. Она знала его горячій характеръ, почему предполагала, что скорымъ отказомъ она могла поразить его; а притомъ же тогда, когда покровительствовалъ ей и старый Панъ, что же ей оставалось дѣлать, на что рѣшиться? Она не знала сама, долго думала и наконецъ сказала: »батюшка, добрый родитель мой! я для васъ готова сдѣлать все; но теперь въ эту минуту не могу дать вамъ вѣрнаго слова. Дайте мнѣ время подумать, дайте случай узнать хорошенько характеръ моего жениха, и тогда я рѣшусь на все, тогда я оставлю вашъ домъ, если я вамъ столько надоѣла.«

— Не объ томъ рѣчь, дурочка, что бы ты мнѣ надоѣла, а вотъ видишь ли—это угодно нашему Пану Барановскому. Онъ желаетъ тебя сдѣлать счастливою, хочетъ выдать за хорошаго жениха, обѣщаетъ его въ непродолжительномъ времени сдѣлать офицеромъ, и тогда — о! тогда ты уже будешь не простая мѣщанка, а знаешь ли кто? офицерша! Тогда ты заживешь припѣваючи.

» Для меня, батюшка, не понятно, отъ чего старый Панъ Барановскій, не видавшій никогда меня въ глаза, не знавшій о поведеніи моемъ, хочетъ располагать моимъ сердцемъ. Видя ласковость отца, и еще тогда—когда, можетъ быть, оно принадлежитъ уже другому...«

— Какъ, другому?... Смотри пожа-

луй, что она запѣваетъ! Она хочетъ располагать сама собою. (Принимая видъ строгости). Если я услышу отъ тебя хоть одно подобное этому слово, если смѣешь ты, негодница, разинуть еще объ этомъ ротъ, тогда я иначе съ тобою раздѣлаюсь!

Проня, повинуясь волѣ своего родителя, замолчала, и алый румянецъ невинности выступилъ на ея лицѣ.

Между тѣмъ заботливый отецъ увѣрилъ Кастелана, что дочь его согласна выдти за мужъ за предлагаемаго ей жениха; что она вмѣстѣ съ нимъ благодаритъ стараго Пана за его объ нихъ попеченіе, почему вѣрный слуга благополучно отправился въ замокъ съ увѣдомленіемъ о согласіи дочери и о благодарности отъ отца.

По отъѣздѣ Кастелана, Бурбела тотъ-часъ ушелъ со двора, не сказавшись ни кому куда онъ отправился. Спустя часъ времени, онъ возвратился домой съ человѣкомъ, имѣвшимъ по видимому лѣтъ двадцать пять отъ роду. Высокій ростъ, сутоловатость, багровый цвѣтъ лица — вѣрная эмблема пьянства, всклокоченные и вмѣстѣ съ пухомъ смѣшанные волосы — вотъ портретъ незнакомца, пришедшаго съ Бурбелою. И кто же былъ этотъ незнакомецъ? Это былъ женихъ прелестной Прони, дѣвицы съ чувствительнымъ сердцемъ, нѣжною, страстною душею. Могъ ли ей нравиться такой забіяка? (такъ она его всегда называла); разумѣется, что нѣтъ. Но дѣлать было нечего; она должна была исполнить волю своего родителя, нарочно ходившаго за моло-

дымъ Уланомъ. Вотъ какъ иногда нетерпѣніе владѣетъ и стариками!...

Проня не обратила ни какого вниманія на своего предназначеннаго жениха. Она только разсуждала, что ей дѣлать. Наконецъ счастливая фантазія подкрѣпила ее: она лучше рѣшилась навсегда оставить родительскій домъ, забыть милыхъ своихъ подружекъ, забыть свою родину, чѣмъ измѣнить Петрусю, чѣмъ быть женою пьянаго Улана. »Но, ахъ! что будетъ тогда съ нимъ,« говорила она самой себѣ, »если Петрусь узнаетъ, что я бѣжала, что я его, можетъ быть, оставила навсегда? Но могу ли я измѣнить данной мною клятвѣ? могу ли жить съ человѣкомъ презрѣннымъ, ненавистнымъ? И такъ, завтрешній же день, я сдѣлаюсь бѣглянкою. Лучше буду жить въ нищетѣ, лучше буду

скитаться по міру, просить милостыню, нежели измѣню данной клятвѣ.«

Между тѣмъ нашъ Уланъ узналъ о причинѣ его приглашенія, а также и о томъ, что онъ скоро будетъ офицеромъ. Сердце его взволновалось отъ радости, и онъ въ эту минуту хотѣлъ что-то сказать своей невѣстѣ; но ея не было, по чему просилъ Бурбелу позвать дочь свою.

Проня, сидѣвшая запершись въ своей комнатѣ и разсуждавшая о побѣгѣ, была выведена изъ своихъ мечтаній стукомъ въ двери и голосомъ отца, который приказывалъ ей отпереть ихъ. Она повиновалась. Бурбела а съ нимъ и нареченный зять, вошли въ комнату Прони. Тутъ женихъ началъ изъяснять чувства свои, пары же Вакха придавали ему и смѣлости

и краснорѣчія. Послѣ того долго говорилъ онъ съ самимъ Бурбелой, съ которымъ условилися, чтобъ не откладывая времени, ѣхать ему и невѣстѣ къ Пану Барановскому, и тамъ обвѣнчаться въ домашней его церкви. Бурбела приказалъ дочери своей въ продолженіи этого времени приготовляться, почему она, пользуясь этимъ случаемъ, начала постепенно убирать нужныя для дороги вещи, укладывать платья и, смиренно приступя къ благословенію, оставленному ей покойной ея матерью, къ изображенію Божіей Матери, преклонила предъ оною колѣна, съ глазами полными слезъ, съ примѣтнымъ душевнымъ благоговѣніемъ начала молиться и просить о принятіи ее безпріютной подъ священный свой покровъ. Потомъ, собравшись съ силами, сняла со спѣны образъ и положила его

въ свой чемоданъ. Въ ту минуту солнце готовилось оставить горизонтъ, вечерняя прохлада повсюду распространяла легкое и пріятное свое ощущеніе, цвѣты свое благоуханіе, серебровидныя струи, отъ близь протекавшей рѣки, мелодическій шумъ, сливавшійся съ вѣяніемъ зефировъ. Но вскорѣ тишина, царствовавшая въ природѣ, должна была прерваться: нашла страшная туча, сильный дождь, молнія, громъ, привели въ ужасъ всю окрестность, и радость милой Прони обратилась въ горесть. Эта буря предвѣщала ей неблагопріятное путешествіе, и она принуждена была рѣшиться провести еще ночь подъ кровомъ, гдѣ ожидали ее несчастія и печали.

Увы! съ какимъ удовольствіемъ вспрѣтила она послѣ бури пріятное

утро, то утро, въ которое она должна была оставить родительскій пріютъ. Еще всѣ погружены были въ глубокій сонъ, Проня, собравшись, выбѣжала на дворъ, оттуда за ворота, а тамъ, менѣе нежели въ часъ, выбралась на большую Кіевскую дорогу. Раза два взглянула на мѣсто своего рожденія, вздохнула, пролила нѣсколько слезъ и собравшись съ силами, она удвоила свои шаги. Давно уже солнце, разсыпая лучи, производило ослѣпляющій блескъ и чрезвычайный жаръ, заставившій нашу странницу - бѣглянку искать убѣжища подъ сѣнью рощи, находившейся въ сторонѣ дороги. Пѣвшія тамъ птицы, журчавшіе источники, благовоніе цвѣтовъ невольно призвали ее въ область Морфея. Проня предалась сладкому сну.

Проснувшись, старикъ Бурбела на-

чалъ искать свою дочь, но тщетно разспрашивалъ онъ объ ней у ея подругъ, тщетно искалъ! Никто не зналъ, куда она дѣвалась и куда ушла такъ рано, почему, въ надеждѣ скораго ея возвращенія, онъ отложилъ свои поиски. Но прошелъ день, другой, наконецъ третій, а Проня не возвращалась. Уже брюзгливые сосѣди начали поговаривать, что она бѣжала; уже молва распространилась и дошла до слуха Петруся. Каково было его изумленіе, его отчаяніе, когда онъ узналъ, что скрылась та, которой, можно сказать, онъ жилъ, существовалъ! Долго онъ ее искалъ въ окрестностяхъ— все было тщетно. Страшная печаль, отчаяніе, что онъ, можетъ быть, разстался съ нею навсегда, приводили его въ изступленіе. Самая жизнь казалась ему несносною, по чему рѣшился

у отца своего просить позволенія ѣхать въ армію и служить тамъ лучше солдатомъ, нежели оставаться дома, вспрѣчать знакомыя ему мѣста и не находить въ нихъ той, которую онъ любилъ, которой отдалъ свою жизнь, свою душу. »Бѣдная!« такъ разсуждалъ Петрусь самъ съ собою, »за чѣмъ дано тебѣ чувствительное сердце; за чѣмъ наступило для тебя то время, въ которое ты должна была произнести сіе магическое слово: *люблю!*... Неужели весна дней твоихъ для того только мила, для того только прекрасна, чтобы въ послѣдствіи времени омрачилась ужасными бурями; неужели милая, добрая Проня, изъ одной любви ко мнѣ пожертвовала ты семейнымъ счастіемъ своимъ, спокойствіемъ, презрѣла наименованіемъ бѣглянки, — непочти-

тельная, упрямая, дерзкая дочь?... Увы! что дѣлается теперь съ нею? Я въ эту минуту желалъ бы быть вмѣстѣ съ нею, знать ея мысли, чувства, желанія, намѣренія! «

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Намѣреніе избрать военное поприще. — Прощаніе. — Поѣздка въ Кіевъ. — Поступленіе въ службу. — Война. — Смерть Капитана. — Лазаретъ. — Петрусь въ плѣну.

Политическія обстоятельства того времени весьма много благопріятствовали желанію Петруся. Малороссіяне, повинуясь волѣ своего Монарха, должны были выступить въ походъ противъ Турокъ.

Сердце молодаго Панича запрепе-

тало, забилось ужасно, когда онъ вздумалъ оставить колыбель своей юности; но его ободряли предчувствія, предсказывавшія ему, что онъ, можетъ быть, найдетъ, встрѣтитъ, увидитъ свою милую Проню и еще разъ прижметъ къ своему сердцу.

»Милый батюшка!« сказалъ Пятрусь, пришедъ однажды въ кабинетъ отца своего, »вы знаете о политическихъ обстоятельствахъ нынѣшняго время, знаете, что наши удалые казаки уже отправились противъ непріятеля, такъ послѣ всего этаго могу ли оставаться равнодушнымъ и я? могу ли быть хладнокровнымъ слыша разсказы о подвигахъ нашей молодежи, жертвующей жизнію за отечество, могу ли жить въ неизвѣстности? И такъ, добрый родитель, позвольте въ сіе геройское время быть

полезнымъ своему отечеству; позвольте и мнѣ изъявить чувства преданности къ Монарху, котораго преисполнено сердце мое, изъявить оную вполнѣ и заслужить названіе истиннаго сына отечества. «

— Ахъ, сынъ мой! отвѣчалъ старой Панъ Барановскій, если бы ты зналъ, какъ мнѣ грустно разставаться съ тобою? Но что дѣлать! видно такъ угодно Всевышнему. Я вижу твое неограниченное желаніе, вижу, что ты не помрачишь славы предковъ твоихъ и заслужишь достойное имя въ отечествѣ. И такъ, другъ мой! да подкрѣпитъ благое Провидѣніе благородное намѣреніе твое, а мое благословеніе да сопутствуетъ во всѣхъ превратностяхъ твоей жизни; — но при всемъ этомъ, какъ бы я желалъ быть

твоимъ невидимымъ Ангеломъ-хранителемъ, желалъ вмѣстѣ раздѣлять съ тобой несчастія и горести. (Храня минуту молчанія). Но я предчувствую, что ты, для моего упѣщенія и спокойствія, возвратишься ко мнѣ съ честію и славою.

Смертельная блѣдность покрыла угрюмое лице старца; онъ залился слезами, вспоминая разлуку и воображая, что, можетъ быть, онъ болѣе не увидитъ сына своего, что Петруся падетъ отъ сабли или пули непріятельской.

Родительское сердце Пана Барановскаго, можно сказать, въ ту минуту, когда онъ говорилъ съ сыномъ своимъ, обливалось кровью, тяжко поднималась высокая грудь и слезы ручьями лились изъ глазъ его.

Петрусь молчалъ. Онъ повидимому хладнокровно переносилъ разлуку съ родными; чувство героизма и любви къ отечеству одержало верхъ надъ чувствомъ сожалѣнія. Онъ рѣшился ѣхать на другой день рано утромъ.

Едва только первые лучи свѣта появились на горизонтѣ и начинали разсѣявать ночный мракъ, какъ дорожная коляска молодаго Панича давно подвезена была къ крыльцу; давно слуги суетились, укладывали, и Петрусь прощался съ милыми родными и знакомыми, которые въ сіе время пріѣхали нарочно. Толпа крестьянъ и дворовыхъ людей съ нетерпѣніемъ ожидала своего Панича, чтобы еще разъ взглянуть на него и проститься, можетъ быть, на вѣки. Когда все было готово къ отъѣзду, то Петрусь вышелъ съ заплаканными глазами на

крыльцо, поклонился на обѣ стороны, и мирные поселяне пронулись разлукой съ любимымъ ими господиномъ. Сидѣвшій на козлахъ кучеръ привсталъ, оправился, перекрестился, дернулъ возжами, и тройка лихихъ соврасыхъ лошадей пуспилась во всю прыть.

Дорожная коляска вихремъ мчалась по большой Кіевской дорогѣ, осѣняемой съ обѣихъ сторонъ густо обсаженными въ два ряда березами и, мало по малу, наконецъ скрылась въ туманѣ пыли отъ зрителей. Душа Петруся скорбѣла и глубокіе вздохи невольно изторгались изъ стѣсненной груди его и онъ, казалось, былъ какъ бы самъ не свой.

Дорога, по которой онъ ѣхалъ, была прекраснѣйшая, слѣдственно ни мало не препятствовала его желанію

поскорѣй пріѣхать въ Кіевъ и явиться къ начальнику того полка, въ которой онъ былъ намѣренъ вступить. Его только иногда задерживали кормленье и перемѣна лошадей, чего, какъ извѣстно, избѣжать было невозможно. Во всю дорогу его мысли были заняты вступленіемъ въ службу, пользою и защитою отечества, что все вмѣстѣ его утѣшало и даже — иногда, заставляло забывать на нѣкоторое время милую Проню.

Наконецъ чрезъ нѣсколько дней начали въ облакахъ тумана показываться Петрусю, мучимому нетерпѣніемъ — позлащенные верхи церквей, начали пестрѣться нѣкоторыя строенія знаменитаго города Кіева, родины храбраго Святослава и другихъ Князей Русскихъ. Сердце его забилось сильнѣе, а звукъ колокола пробудилъ его уны-

лость. Вотъ ему уже начали попадаться довольно часто пройки ратныхъ людей, готовыхъ на брань за Вѣру и за Царя; а съ этимъ вмѣстѣ мирные поселяне, возвращавшіеся изъ города въ свои жилища и тягостно вздыхавшіе о наступающей войнѣ; наконецъ нашъ герой подъѣхалъ къ одному изъ постоялыхъ дворовъ, котораго услужливый хозяинъ предложилъ къ услугамъ, для новаго своего постояльца, и уютную комнату, и чай, и обѣдъ.

На другой день съ восходомъ солнечнымъ, — когда всѣ еще въ городѣ находились въ объятіяхъ Морфея, — Петрусь былъ уже давно на ногахъ; одѣвшись какъ должно и напившись чаю, онъ, съ помощію Божіею, отправился къ Полковнику съ предложеніемъ своего намѣренія — служить отe-

честву. Войдя въ переднюю, онъ приказалъ бывшему тутъ слугѣ доложить о себѣ. Чрезъ нѣсколько времени явился предъ нимъ мужчина среднихъ лѣтъ. Его лице было величественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе сурово; взоры проницательны, но мрачны. Стройный станъ его придавалъ ему какую-то воинственную гордость, на которую впрочемъ онъ имѣлъ неоспоримое право во всякомъ мѣстѣ и во всякое время: ибо заслужилъ названіе истиннаго героя.

Поговоря съ нимъ довольно ласково, Полковникъ разспросилъ о его намѣреніи, объ состояніи его родителей, и узнавши, что Петрусь хотѣлъ служить подъ его вѣдомствомъ, онъ велѣлъ подать ему въ тотъ же день прошеніе. Вскорѣ молодой Паничь ушелъ.

Проходя городомъ, онъ замѣтилъ, что во всѣхъ улицахъ Кіева шумѣло множество народа. Богатые Малороссійскіе Паны, какъ бы подражатели или ученики Поляковъ, роскошно пировали въ своихъ домахъ съ знакомыми и родственниками, молодые офицеры кружились въ своихъ редутахъ, а ихъ жены и дочери одушевляли сіи празднества.

Дней чрезъ шесть послѣ поданія прошенія, Петрусь отъ новаго своего командира получилъ приказаніе быть въ готовности къ походу. Молодой неопытный воинъ, закупивъ все для себя нужное, робко ожидалъ дня выступленія; ибо, не смотря на сильную свою привязанность къ военной службѣ, не смотря на любовь къ отечеству, его страшила мысль, что онъ не отыщетъ милой Прони.

Наступилъ назначенный день. Барабанный звукъ раздался во всѣхъ концахъ. Каждый простился съ родственниками, друзьями и знакомыми, каждый, можетъ быть, плакалъ; но минута прощанія должна была миноваться: полки соединились и оставили городъ....

Здѣсь читатель слѣдующія произшествія, составляющія цѣлость романа этаго, услышитъ отъ самаго героя.

» Во время многотруднаго похода, я ознакомился со всѣми Офицерами нашего полка, которые, надобно сказать, были всѣ люди образованные; съ этимъ вмѣстѣ я пріобрѣлъ любовь и расположеніе полковаго Командира и Капитана моей роты, который, какъ я узналъ въ послѣдствіи, былъ Малороссіянинъ изъ Черни-

говской Губерніи, сынъ одного бѣднаго дворянина, съ молодости посвятившій себя на службу отечеству. Этотъ Капитанъ столько полюбилъ меня, что, казалось, готовъ былъ всѣмъ жертвовать для счастія моего.

Когда мы получили приказаніе, что бы намъ остаться въ предѣлахъ Турціи, ожидать приближенія непріятельской арміи, то безпрестанное стеченіе войскъ, звукъ оружія, какая-то непринужденная веселость заставляли насъ забывать грядущую опасность, а меня не лишали надежды увидѣть опять мою милую Проню, образъ которой безпрестанно представлялся воображенію моему.

Въ одинъ прелестнѣйшій вечеръ, какой только можетъ быть на восшокѣ, расположились мы въ тѣни развѣсистыхъ деревъ. Давно солнеч-

ные лучи скрылись въ туманѣ облаковъ, давно вечерняя тишина господствовала повсюду. Солдаты занялись приготовленіемъ ужина, а мы, съ длинными чубуками, лежали на зеленой усѣянной цвѣтами правѣ и между собой разговаривали. Вдругъ услышали въ воздухѣ какое-то жужжаніе, сопровождаемое трескомъ и громомъ. Мы прислушиваться, и что же? Узнаемъ, что то были непріятельскія картечи.

Вмигъ все засуетилось, всѣ бросились къ оружію, и когда скомандовали впередъ скорымъ шагомъ, тогда мы увидѣли въ дали облако пыли. То были Турецкіе всадники. Нашему полку было назначено вступить въ дѣйствіе, и полковый Командиръ, какъ уже опытный начальникъ, старался ободрять насъ. Мы бросились на штыки, долго защищали себя, наконецъ смѣ-

шались съ Турецкою конницею; начали уже ослабѣвать, но къ нашему счастію подоспѣли уланы. Съ обѣихъ сторонъ валилось множество; пули, сверкая, визжали подлѣ ушей. Сраженіе продолжалось. Вдругъ я примѣтилъ, что двое изъ сражавшихся, подобно молніи бросились одинъ на другаго. *Сабли ихъ ударились въ воздухѣ* одна объ другую. Ударъ непріятеля былъ ужасенъ. Голова нашего воина раздвоилась пополамъ. Кровь брызнула струями, и я узналъ, что убитый былъ мой Капитанъ; я видѣлъ, какъ онъ, обезглавленный, окровавленный, палъ на землю. При этомъ зрѣлищѣ я не могъ оспаться равнодушнымъ. Кровь моя закипѣла; ненависть и мщеніе къ врагамъ въ душѣ моей отзывались ужасами. Въ то же мгновеніе я бросился за непріятелемъ, поразившимъ

моего добраго Капитана; но не успѣлъ сдѣлать впередъ двухъ шаговъ, какъ пуля остановила поспѣшность мою. Я упалъ безъ чувствъ на землю, и когда пришелъ въ себя, то уже былъ въ лазаретѣ, гдѣ узналъ, что побѣда осталась на нашей сторонѣ.

Спустя довольно долго время, силы мои и здоровье начали поправляться, начали мало по малу приходить въ то состояніе, бывъ въ которомъ, могъ я свободно вставать съ постѣли и даже прогуливаться по гошпитальному саду и наслаждаться прелестями вечера востока. — Съ какимъ восхищеніемъ я начиналъ смотрѣть тогда на великолѣпное солнце, которое, совершивъ дневное свое теченіе, скрывало отъ взоровъ моихъ лучи свои; съ какимъ восхищеніемъ слушалъ я разсказы лазаретныхъ моихъ

товарищей; и еще болѣе, увы! что они одинъ передъ другимъ старались выхвалять мое геройство, мужество, отчаяніе. Я былъ тогда почти внѣ себя; я былъ, какъ мнѣ казалось, перерожденнымъ въ новую, лучшую жизнь. Минувшее оттушёвывалось тогда въ глазахъ моихъ какъ бы настоящее; но будущее — ахъ! оно смотрѣло на меня какимъ-то страннымъ взоромъ и устрашало меня, какъ сабля врага, лишившаго жизни Капитана моей роты.... Но при всемъ этомъ я былъ хладнокровенъ, желалъ только знать исторію моей болѣзни, а вмѣстѣ съ этимъ знать, какимъ образомъ я попался въ лазаретъ.

Желаніе мое исполнилось. Я узналъ наконецъ того, кто изхитилъ меня изъ челюстей смерти, не допустилъ ей пожрать меня и перенесъ въ лазаретъ;

гдѣ лѣкарями была подана мнѣ помощь. При встрѣчѣ съ моимъ избавителемъ, сердце сказало мнѣ: это спаситель твой, благодари его; оно почему-то еще говорило, что я найду въ немъ близкаго мнѣ человѣка....

Когда мнѣ его показали, я, приближаясь, сказалъ ему: »о другъ мой, узнаешь ли ты меня?« — Онъ на меня взглянулъ. »Я знаю васъ,« отвѣчалъ онъ; »я видѣлъ васъ въ ту минуту, когда вы тяжело раненные лежали среди охладѣлыхъ труповъ, на полѣ битвы. Послѣ сего онъ разсказалъ какъ, замѣтивъ во мнѣ признаки жизни, перенесъ меня на себѣ въ лазаретъ.

Отблагодаривши его за всѣ старанія и попеченія, я спросилъ его, какой онъ былъ урожденецъ?

»Я, государь мой,« отвѣчалъ мой

избавитель, »родился въ странѣ, изобильной богатыми дарами природы, въ счастливой, на берегахъ рѣки Десны, неподалеку отъ города Глухова, Малороссіи!—»Такъ, я предчувствовалъ это, другъ мой!« отвѣчалъ я ему. »Ты мой товарищь, единоземецъ. Скажи мнѣ, *живы ли теперь твои родители?*« — »*Прошло десять лѣтъ*,« говорилъ онъ, »какъ оставилъ я домъ родительской, и вотъ скоро два года, какъ не получалъ объ нихъ никакого извѣстія. Теперь не знаю, живы ли они или нѣтъ.

— »По крайней мѣрѣ скажи мнѣ, кто они таковы? спросилъ я его. — »Отецъ мой жилъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, занимался торговлею, мать давно умерла, у меня осталась одна сестра, о которой не знаю, жива ли она, или нѣтъ. Ахъ! какъ бы сильно

теперь прижалъ ее къ груди моей; я бы задушилъ ее поцѣлуями моими.«

Его разсказъ меня пронулъ, а вмѣстѣ съ этимъ навелъ нѣкоторое сомнѣніе и пробудилъ предчувствіе.

»А какъ звали твоего отца и сестру, другъ мой?« спросилъ я его.—»Его звали Бурбелой, а сестру Пронею.«

Каково было изумленіе молодаго Панича, когда онъ въ своемъ избавителѣ узналъ роднаго брата Прони. Сердце его забилось сильно, трепетъ въ членахъ былъ подобенъ судорожному движенію. Пришедши нѣсколько въ себя, онъ сказалъ своему избавителю, что онъ знаетъ отца его, и что Проня убѣжала изъ дому родительскаго.

»Какъ!« сказалъ тотъ съ изумленіемъ, »она уже не живетъ съ отцемъ!

Гдѣ же она, скажите ради Бога?« — «Она, какъ я полагаю, должна жить близь Кіева,« отвѣчалъ я моему избавителю.

— »И такъ мы съ вами поквитались: я вамъ спасъ жизнь, а вы не меньше того открытіемъ такой тайны удвоили мою.«

Послѣ сихъ словъ мой избавитель сомной простился.

Наконецъ, когда я оправился почти совсѣмъ и мои раны заживали, въ то время мнѣ даже дозволили по вечерамъ, а иногда и днемъ гулять въ сосѣднемъ лѣсу, находившемся близъ лазарета. Въ одинъ вечеръ пошелъ я въ этотъ лѣсъ и зашедъ довольно далеко; услышалъ тамъ многихъ людей, какъ бы меня преслѣдовавшихъ. Я хотѣлъ скрыться, но было тщетно. Пять человѣкъ Турокъ, бывшіе въ полномъ

вооруженіи, выбѣжали изъза-кустовъ, схватили меня и умчали въ свой станъ.

Тамъ я долженъ былъ довольно долгое время переносить язвительныя насмѣшки, но когда узнали, что я былъ богатой и знатной фамиліи, то отправили меня во дворецъ Султана; впрочемъ, не улучшилось мое положеніе и тутъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Турецкій невольникъ. — Гамза-Бей Паша. — Зобеида. — Нареченный зять. — Страшный приговоръ. — Жалкая участь Петруся.

Гамза-Бей было имя Паши, въ рукахъ коего находился Петрусь. Онъ былъ мужчина довольно пожилыхъ лѣтъ, но, не смотря на оныя, былъ красавецъ собою. Онъ имѣлъ дочь, которая называлась Зобеидою, и которую любилъ больше всего на свѣ-

тѣ; она для его сердца была милѣе, драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ Востока. Ея мать была Христіанка, родилась на берегахъ цвѣтущей Италіи и, будучи въ молодости похищена изъ сей благодатной страны, была перевоспитана въ вѣрѣ Мусульманской, въ сералѣ Гамза-Бея. Она своею красотою, скромностію и тихостію характера привлекла его особенное вниманіе и сдѣлалась въ послѣдствіи времени его женою. Онъ питалъ къ ней любовь самую страстную, горячую, непреодолимую, и Зобеида была первымъ плодомъ сей страсти. Она, заимствуя характеръ, сходство лица и прекраснѣйшія качества своей матери, служила по смерти ея утѣшеніемъ отцу своему. Она имѣла у себя въ услуженіи одну прекрасную Гречанку, Анаспасію, которую очень любила и ввѣ-

ряла всѣ тайны. Когда Зобеидѣ минуло шестнадцать лѣтъ, то Гамза-Бей, стараясь о продолженіи своей фамиліи, искалъ на Востокѣ молодаго юноши, который бы, какъ говорится у насъ, могъ составить приличную партію его дочери.

Вниманіе Гамза-Бея сосредоточивалось на одномъ Багдадскомъ Пашѣ, по имени Абдургаманѣ, котораго впрочемъ онъ любилъ, даже и уважалъ, но не за достоинство и храбрость, которыя въ почтеніи у Азіятцевъ, а за его богатство, коими владѣлъ онъ. Однимъ вечеромъ, когда Абдургаманъ былъ въ гостяхъ у Бея, то старикъ завелъ стороною рѣчь о супружествахъ, и потомъ сказалъ о своей дочери и предложилъ ему ея руку. Абдургаманъ былъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, мужчина видный собою, щедро ода-

ренный отъ природы хорошими качествами души, а своею обходительностію онъ могъ обращать вниманіе многихъ женщинъ. Гамза-Бей, оставивъ на минуту Абдургамана одного, самъ пошелъ къ своей дочери, дабы ее увѣдомить о будущемъ бракѣ; но Зобеида, принимая съ радостію отца и надѣясь на его къ ней любовь, осмѣлилась просить о нарушеніи коренаго на Востокѣ обычая: не видать своего будущаго мужа до предназначенной минуты....

Бей долго не рѣшался, но убѣжденный неотступною просьбою, невольно принужденъ былъ исполнить желаніе любимой дочери; а такъ какъ сего не льзя было сдѣлать явнымъ образомъ, въ такомъ случаѣ онъ велѣлъ идти ей въ одну изъ бесѣдокъ сада, откуда могла бы она видѣть ихъ прогу-

ливающихся. Зобеида, бывши скрытою, могла хорошо разсмотрѣть будущаго своего супруга, который съ своей стороны никакъ не могъ замѣтить ее. Абдургаманъ, не смотря на то, что въ лицѣ его видна была какая-то меланхолія, показался ей человѣкомъ достойнымъ любви. Мысль быть его женою, приводила Зобеиду въ восторгъ, почему она, предавшись мечтамъ этимъ и волѣ отца, ожидала съ радостію и даже съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ дня брака.

Судя по мѣсяцамъ года и по измѣняющемуся въ оные у насъ климату, можно сказать, что какъ зима, если оная бываетъ вездѣ и на Востокѣ, прошла въ пышныхъ, блестящихъ приготовленіяхъ къ будущей свадьбѣ дочери Гамза-Бея: такъ и съ своими очарованными прелестями возвратив-

шаяся весна. Когда же великолѣпные сады, окружавшіе дворецъ Бея, еще прелестнѣе начали одѣваться въ пышную роскошную свою одежду, тогда нѣсколько человѣкъ были разосланы на Сѣверъ, Западъ и Югъ, для привоза оттуда различныхъ растеній. Исполня свое препорученіе, они съ этимъ вмѣстѣ должны также были отыскать такого человѣка, который бы зналъ средство къ удобриванію сихъ растѣній и могъ бы онымъ заниматься.

Зобеида, къ счастію несчастнаго, знавшая что былъ привезенъ какой-то Русской плѣнникъ, объ немъ вспомнила, почему велѣла взять его въ число садовниковъ. Любимая дочь Бея располагала иногда невольниками отца своего.

Въ одинъ прекраснѣйшій весенній

день пошла Зобеида въ садъ, будучи окруженною многими приближенными къ ней женщинами, въ томъ числѣ любимою Анастасіею. Проходя по одной узкой аллеѣ, замѣтила Зобеида работающихъ близь оной трехъ невольниковъ и одинъ изъ нихъ несъ на головѣ корзинку съ землею—то былъ нашъ *Петрусь. Смертельная блѣдность*, покрывавшая благородное его лице, усталость, а съ этимъ вмѣстѣ сердечное терзаніе, ужасно измѣнили его, но при всемъ этомъ *величественная*, благородная поступь, важная осанка, ясно говорили о благородствѣ происхожденія его.

Забеида не могла остаться равнодушною, увидя Петруся. Ея глаза засверкали подобно молніи; а примѣтная перемѣна въ ея лицѣ подала случай

узнать Анастасіи, что дѣлается съ дочерью Бея и болѣе, потому, что она лучше всѣхъ окружавшихъ ея невольницъ знала характеръ Зобеиды.

Послѣ довольно долгаго гулянья, она наконецъ возвратилась въ свои комнаты, гдѣ осталась наединѣ только съ одною Анастасіею, которой велѣла сходить къ садовнику и узнать отъ него за тайну, кто такой былъ молодой плѣнникъ, какого онъ рода и откуда?

Вѣрная Анастасія, повинуясь безпрекословно волѣ Зобеиды, вскорѣ принесла ей отвѣтъ.

»Молодой плѣнникъ,« сказала она, »находящійся въ рукахъ ея отца, происходитъ отъ знаменитой фамиліи, попался въ плѣнъ къ Бею, во время войны, и какъ невольникъ терпитъ всю жестокость правителя.«

Сихъ словъ, кажется, было довольно, чтобы пробудить въ сердцѣ Забеиды жалость, а съ этимъ вмѣстѣ раздуть въ немъ заронившуюся искру.

Ея сожалѣніе увеличивалось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, сердечный пожаръ распространялся, и Зобеида, если начинала находить въ чемъ удовольствіе себѣ, то это порою глядя на блѣдное лицо Пепруся, на его благородную поступь, на его черную отрощенную бороду, развивавшуюся прежде по волѣ вѣтра, его глаза исполненные живости, и того огня, который одушевлялъ его въ домѣ родительскомъ. Забеида изъ всѣхъ невольниковъ не находила еще такого, къ которому бы чувствовала сожалѣніе, чувствовала въ сердцѣ своемъ желаніе его видѣть. Это былъ первый, привлекшій ея вниманіе, можно сказать,

первый изъ всѣхъ видѣнныхъ ею мущинъ, и котораго она полюбила—полюбила страстно, неизъяснимо, болѣе нежели — Рустелана любила Антара, однимъ словомъ, въ ея сердцѣ пламень любви превосходилъ весь пламень огненной Поэзіи Востока.

Но при всемъ этомъ, Зобеида, не смотря на всю горячую привязанность къ Петрусю, мгновенно возгорѣвшуюся въ ея сердцѣ, старалась скрывать оную отъ своего отца; одна вѣрная Анастасія знала тайну эту.

Однажды вечеромъ прогуливалась Зобеида въ саду, гдѣ въ одной изъ бесѣдокъ онаго встрѣтила своего отца. Она стороною завела съ нимъ разговоръ о Русскомъ плѣнникѣ, спросивъ, почему онъ къ нему болѣе жестокъ, нежели къ другимъ?

— Я это дѣлаю отъ того, отвѣчалъ Бей, что этотъ невольникъ былъ грозою храбрымъ Музульманамъ, и даже старался убить меня, то теперь, въ моей волѣ, пускай терпитъ всѣ жестокости; а къ тому же онъ имѣетъ богатыхъ родителей, которые, узнавъ объ этомъ вѣрно ни чего не пожалѣютъ для его выкупа.

»Я бы желала, родитель мой,« говорила Забеида, скрывая страсть свою и притворяясь, »видѣть этаго презрѣннаго человѣка, этаго невѣрнаго, котораго покушался на вашу, столь для меня драгоцѣнную, жизнь, и высказать ему всю мою ненависть.«

Гамза-Бей при сихъ словахъ бросилъ проницательный взглядъ на дочь свою, и нѣсколько помолчавъ, сказалъ ей: »Ты увидишь, дочь моя, этаго

невѣрнаго, увидишь, какъ онъ будетъ унижаться предъ тобою; я же буду просить Аллу, да неспошлетъ онъ на него всѣ жестокости ада, всѣ мученія тартара. «

Въ это самое время встрѣтили они въ саду толпу Турокъ, принадлежавшихъ собственно къ гарему, шедшихъ и говорившихъ по Французски. Сей языкъ проникъ въ Турцію, какъ отъ частаго посѣщенія оной Французовъ, такъ болѣе и отъ того, что онъ былъ дипломатическимъ языкомъ Европы. Забеида предполагала, и даже съ своей стороны была увѣрена, что молодой невольникъ зналъ также языкъ этотъ. »Слѣдственно,« говорила она самой себѣ, »я свободно могу говорить съ нимъ. «

Умный Бей, не смотря на предубѣжденіе жителей Востока къ просвѣ-

щенію, воспитывалъ Зобеиду какъ дочь произшедшую отъ Европейки, да и самъ онъ говорилъ по Французски.

По возвращеніи въ свои покои, Гамза-Бей, развалясь на пышномъ диванѣ, приказалъ Евнухамъ подать ему трубку и, лежа на ономъ, забавлялся разными ихъ кривляньями.

Спустя нѣсколько времени вошла къ нему Зобеида съ вѣрною ей Анастасіею. При входѣ ихъ водворилось молчаніе, которое наконецъ было прервано повелительнымъ тономъ Бея — привести къ нему Русскаго плѣнника. Одинъ изъ Мусульманъ, павши ницъ и сложа крестообразно на свою грудь руки, молчаливо выслушалъ приказанія его, и въ туже минуту вышелъ для исполненія повелѣнія. Зобеида не мог-

ла оставаться въ присутствіи посторонняго, а къ тому же знала, что она могла измѣнить самой себѣ, почему и отправилась съ Анастасіею въ другія комнаты, отъ куда свободно могла смотрѣть на несчастливца. Спустя часъ времени, возвратился Евнухъ съ молодымъ невольникомъ. Взоры предстоявшихъ обратились на вошедшаго, и болѣе взоры спрятавшейся Зобеиды, замѣтившей въ немъ удивительное хладнокровіе, которое онъ сохранялъ въ присутствіи Паши.

Гамза-Бей бросилъ на Пепруся свирѣпый взоръ; но замѣтя въ лицѣ его совершенное спокойствіе, не могъ остаться равнодушнымъ. Его ярость увеличилась еще болѣе. Онъ сказалъ: «Это ты, невѣрный, осмѣлился покушаться на мою жизнь, на верховнаго исполнителя воли Султана, и къ тому

же, дерзкій, еще въ присутствіи моемъ смѣешь сохранять такое хладнокровіе, непочтеніе? «

Петрусь хранилъ молчаніе.

» И ты еще молчишь, не хочешь отвѣчать мнѣ, презрѣнный человѣкъ? началъ опять Бей. » Знаешь ли ты, *что твоя жизнь, твое тѣло зависятъ отъ меня?* «

— Я это очень знаю, мрачно отвѣчалъ Петрусь.

»Такъ знай же,« съ яростію сказалъ Гамза-Бей, » завтра, прежде нежели солнце озаритъ Востокъ, тебя уже не будетъ. Слышишь ли? и знай, что подобные тебѣ невѣрные, эти презрѣнные *друзья твои, не узнаютъ объ участи твоей.* Тебя ожидаетъ смерть. Да, говорю я, смерть! И смерть самая жестокая, мучительная! «

Глубокій вздохъ невольно вырвался изъ груди молодаго Панича. Онъ поднялъ на небо взоры свои, хотѣлъ что-то сказать; но голосъ его замиралъ.

»Теперь вижу,« сказалъ Бей, что мои угрозы на него не дѣйствуютъ; онъ и теперь, кажется, замышляетъ на мою жизнь. Знай же, что я съ тобой поступлю не какъ съ человѣкомъ, но какъ съ собакою,« продолжалъ Бей, грозно смотря на плѣнника, и при томъ вполнѣ предаваясь своему гнѣву. Я буду терзать тебя, презрѣнный, буду мучить и вмѣстѣ любоваться! »Гаканъ!« закричалъ Паша, обращаясь къ одному Евнуху, »возьми этаго невѣрнаго и пускай завтрешній день совершатъ надъ нимъ приговоръ мой.«

Зобеида, слыша ужасныя приказанія отца своего, слыша, что молодому

плѣннику, котораго полюбила она, оставалось жить, можетъ быть, нѣсколько часовъ, то могла ли оставаться равнодушною? Могла ли не желать смерти и себѣ?

Гаканъ сказалъ невольнику, чтобы онъ послѣдовалъ за нимъ; но когда Петрусь не понялъ его словъ, то Евнухъ поднялъ плеть и безпощадно началъ оною сѣчь его. Зобеида не могла выперпѣть этаго зрѣлища: она подняла ужасный крикъ. Петрусь и всѣ тамъ бывшіе обратили взоры свои въ ту сторону, отнуда произходилъ оный. Бей, не зная чему приписать такое положеніе дочери своей, побѣжалъ къ ней на помощь.

Крикъ произведенъ Зобеидою былъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отклонить отца отъ варварства, ко-

торое онъ намѣревался сдѣлать съ бѣднымъ невольникомъ.

»Что это значитъ?« вскричалъ громко Гамза-Бей, вбѣжавъ въ комнаты, въ которыхъ находилась дочь его.— »Что происходитъ здѣсь?«...

Невольницы, окружавшія Зобеиду, не знали, что отвѣчать ему. Несчастная была почти безъ дыханія.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Разговоръ. — Великолѣпный садъ Гамза-Бея. — Занятія въ саду. — Это онъ. — Нечаянное письмо. — Любопытство.

Гамза-Бей, пораженный страхомъ отъ такого произшествія, не зналъ чему должно было приписать это. Онъ сперва полагалъ, что его дочери сдѣлалось отъ чего нибудь дурно; но видя ее совершенно безъ чувствъ, ни мало не понимающій, что произходи-

ло вокругъ нее, Бей испугался. Онъ, казалось, все варварство, которое ожидало Петруся, готовъ былъ обратить на бѣдную Анастасію.

Между тѣмъ мало по малу Зобеида пришла въ чувства. Она, услышавъ угрозы Анастасіи и зная характеръ отца своего, не смотря на чрезвычайную свою слабость, начала уговаривать его и увѣрять въ невинности Анастасіи.

»Если вы, батюшка,« говорила Зобеида, »не хотите видѣть меня умершею, то пощадите Анастасію. Она невинна, она не причиною моего безпамятства; даже я не знаю сама, отъ чего это сдѣлалось мнѣ.«

Бей, обратя свирѣпый и вмѣстѣ проницательный взоръ на дочь свою, долго молчалъ; но видя ея положеніе, онымъ тронулся чрезвычайно.

Онъ захлопалъ въ ладоши, и предъ нимъ въ одно мгновеніе явилась толпа невольниковъ.

Потребовавъ носилокъ и женщинъ, онъ велѣлъ перенесть дочь свою въ ея комнаты, а самъ между тѣмъ старался успокоить Анастасію.

Женщины и носилки были готовы. Когда Зобеида была на нихъ посажена, то, не смотря на свое изнеможеніе силъ, не смотря на терзаніе сердца своего, она не могла оспаться нечувствительною, примѣчая разстройство отца своего. Его ласки тронули ее. Она бросила на него взоръ, исполненный расположенія, и взявъ его руку, прижала ее къ біющейся своей груди. Гамза-Бей сѣлъ возлѣ нее на носилкахъ.

Въ это время, когда нѣсколько человѣкъ несли ихъ и вѣрная Анаста-

сія сопровождала эту свиту, Зобеида хранила глубокое молчаніе. Ея душа была волнуема мыслями самыми непріятными, и множество идей толпилось въ умѣ ея. Она никогда не была въ такомъ положеніи, какъ въ это время: передъ ней, казалось, носился новый міръ, тысячу желаній колебали ея душу; она думала, какимъ бы образомъ смягчить участь Русскаго плѣнника, она думала, какимъ бы образомъ отвратить жестокость Бея, покровительствовать Петрусѣ и освободить отъ рукъ немилосердыхъ.

Въ этихъ мечтаніяхъ Зобеида внесена была въ ея комнаты. Гамза-Бей пробылъ у нее до тѣхъ поръ, пока она совершенно не пришла въ себя. По уходѣ его, Анастасія, вставши съ дивана, сложивъ крестообразно руки, сказала Зобеидѣ:

»Свѣтило небесное, прекрасная Зобеида, могу ли я, тобой взысканная, обратить къ тебѣ рѣчь мою, могу ли я говорить о томъ молодомъ невольникѣ, противъ котораго ожесточился родитель твой, и котораго отдалъ Гакану—этому безчеловѣчному смотрителю за всѣми Евнухами, и отдалъ для того, чтобы онъ его терзалъ, мучилъ?«

При этихъ словахъ Зобеида задрожала и не отвѣчала ни слова.

»Ты дрожишь, смущаешься!« начала опять Анастасія;« ты при одномъ имени этого плѣнника, какъ замѣчаю я, измѣняешь самой себѣ. (Нѣсколько помолчавъ). Точно, я съ тобой согласна, этотъ несчастный того стоитъ, чтобы сожалѣть объ немъ: онъ Христіанинъ, притомъ еще знатной фамиліи и родился въ знаменитомъ Государствѣ.«

— Да, я объ немъ сожалѣю, отвѣчала Зобеида, нѣсколько пришедшая въ себя; но не могу помочь ему. Я знаю характеръ моего отца, а къ тому же онъ не любитъ, если кто нибудь вмѣшивается въ его дѣла.

Анастасія, храня нѣкоторое время молчанія, наконецъ сказала: »И такъ, скоро настанетъ тотъ ужасный вечеръ, въ который надъ молодымъ невольникомъ должны совершиться приказанія Бея.«

Въ глазахъ Зобеиды заблистали слезы. Она сказала: »Если онъ умретъ, то я буду благодарна Богу, что Онъ освободилъ его отъ долговременныхъ терзаній.«

»Хорошо было бы такъ, еслибъ онъ умеръ,« говорила Анастасія; »но онъ живъ и его ожидаютъ мученія и мученія страшныя.«

— Анастасія! вскричала Зобеида жалобнымъ голосомъ, ты знаешь, кто я, знаешь, что ты и всѣ невольники, здѣсь живущіе, должны безпрекословно исполнять волю моего отца, то неужели не должно сожалѣть о семъ несчастливцѣ и неужели съ этимъ вмѣстѣ ты станешь порицать меня за то, что я принимаю въ немъ попеченіе и изъ человѣколюбія желаю облегченія его участи.

»Напротивъ,« говорила Анастасія, »невольники такіе же люди, какъ и всѣ. Я сама хотѣла просить тебя, добрая Зобеида, дабы ты, сколько могла, покровительствовала ему у своего отца... Но нѣтъ, что сказала я! Ни ты, ни кто въ мірѣ не можетъ сдѣлать этого: ибо перемѣнить намѣренія твоего отца не можетъ никто въ свѣтѣ.«

— И такъ, сказала жалобно Зобеида, мои гіацинты погибнутъ на всегда, и я должна буду отказаться отъ удовольствія, которымъ наслаждалась прежде!... Но впрочемъ, я знаю еще одно средство, которое, можетъ быть, поможетъ этому несчастному. Мой отецъ вѣрно увидитъ увядшіе цвѣты, а онъ, какъ ты знаешь, до нихъ страстный охотникъ....

Сказавъ это, Зобеида предалась мечтанію, которое, утомя ее, отдало на волю Морфея.

Вѣрная Анаспасія, бывшая съ нею неразлучно и во время сна, слышала какія-то отрывистыя, несвязныя слова, говоренныя Зобеидою во снѣ; долго она прислушивалась къ нимъ, долго бодрствовала надъ спящею повелительницею своей, наконецъ, утомясь, склонилась на изголовье дивана и заснула.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ молодой плѣнникъ былъ отданъ въ руки Гассана, Бей однажды прогуливался съ своей дочерью въ саду, блиставшемъ своею роскошною Восточною природою, изяществомъ вкуса и чрезвычайнымъ искуственнымъ великолѣпіемъ.

Весна всюду разливала ароматы и очаровывала невольно благоуханіями своими; казалось, это былъ въ маломъ видѣ рай Магомета. Паша болѣе всего любилъ прогуливаться по парку, который во множествѣ былъ усѣянъ гіацинтами и тюльпанами, но которые въ то время не издавали запаха и не имѣли своей природной красоты: они были блѣдны, какъ невѣста въ первый день брака.

»Какое небреженіе, какое запустѣніе я встрѣчаю здѣсь!«—сказалъ сер-

дитто Бей. Онъ захлопалъ въ ладоши и предъ нимъ явился садовникъ.

» Безполезный невольникъ!« закричалъ Паша, принявъ видъ грозный. »Что ты дѣлаешь? или не видишь, что эти цвѣты, предоставленные твоему смотрѣнію, почти совсѣмъ засохли? Вотъ презрѣнный, какова твоя забота! Но будь увѣренъ, что за это небреженіе ты заплатишь мнѣ своею головою. «

— Знаменитый властелинъ, отвѣчалъ испуганный садовникъ, низко нагибаясь, удостойте выслушать одного изъ преданнѣйшихъ вамъ невольниковъ.

» Какъ! ты еще смѣешь оправдываться? Развѣ это запустѣніе моего любимаго парка, развѣ эти увядающіе цвѣты не служатъ яснымъ доказательствомъ твоей лѣности и твоего небреженія?«

— И при всемъ этомъ, знаменитый властелинъ, осмѣливаюсь оправдывать себя и просить выслушать вашего раба, говорилъ садовникъ. Ибо если, продолжалъ онъ, земля, роса и солнце имѣютъ вліяніе на сіи благородныя растѣнія, то не меньше тѣмъ необходимы для нихъ забота и попеченіе.

» И такъ для чего же ты объ нихъ не заботился, презрѣнный?« сказалъ Бей, прервавъ его. »Знаешь ли ты, недостойный, сколько мнѣ стоило трудовъ и издержекъ, чтобъ выписать эти растѣнія изъ отдаленныхъ частей свѣта, а ты о нихъ не заботишься?«

— Это не моя оплошность, повелитель мой. Я еще къ нимъ не привыкъ, не знаю, какъ съ ними обращаться, и если они издавали благоуханіе прежде, то это отъ того, что

съ ними умѣлъ обращаться одинъ невольникъ.

» И ты смѣешь еще меня обманывать!« дико закричалъ Бей.

— Нѣтъ, не обманываю, это истина. Они красовались въ рукахъ его; они тогда испускали бальзамическое благоуханіе и служили украшеніемъ сада.... А если не таковы теперь, то это отъ того, что тотъ человѣкъ, который зналъ, какъ ходить за этими растѣніями, употребленъ вами на другія работы.

» Ты лжешь, презрѣнный! я никакого работника не удалялъ изъ своего сада. «

— Смѣю вамъ, знаменитый властелинъ, сказать о томъ самомъ рабѣ, котораго вы отдали Гакану.

»И ты смѣешь мнѣ напоминать объ этомъ невѣрномъ!« закричалъ Бей, предаваясь всему изступленію своего гнѣва.

Но въ минуту гнѣвъ его началъ уменьшаться. Онъ не говорилъ ни слова и только изрѣдка посматривалъ на поблекшіе цвѣты.

Наконецъ отправился въ свои палаты.

Гамза-Бей, какъ страстный охотникъ до цвѣтовъ, сожалѣя о своихъ тюльпанахъ и, какъ говорится у насъ: мѣняя гнѣвъ на милость, рѣшился возвратить опять въ садъ того невольника, который былъ отданъ жестокому Гакану.

Зобеида отъ сего приказанія отца своего была въ восхищеніи, и чтобы дождаться скорѣе исполненія желанія

своего, она приняла гореспный видъ, крайне при отцѣ сожалѣла о цвѣтахъ, что заставило Бея возвратить невольника ни мало не медля.

Таковы были тайныя надежды Зобеиды.

Женщины въ отношеніи хитрости одинаковы во всѣхъ частяхъ свѣта. Зобеида, видя исполненными надежды свои, душевно торжествовала, но вмѣстѣ съ этимъ—замѣтьте, что бываетъ рѣдко между просвѣщенными Европеянками — благодарила Провидѣніе, увѣнчавшее желаннымъ успѣхомъ предпріятіе ея.

Между тѣмъ плѣнникъ не могъ чувствовать нѣжныхъ благодѣяній Зобеиды: онъ, бывши у жестокосердаго господина, не смотря на краткость времени, былъ измученъ тягостною работою, отъ чего начали измѣнять

ему самыя силы тѣлесныя и даже совершенно оставлять. Зобеида, узнавши объ такомъ положеніи здоровья Петруся, сильно была поражена извѣстіемъ этимъ.

Она имѣла одно только желаніе, дабы помочь ему; но могла ли она сдѣлать это? Ей не льзя было вступить туда, гдѣ находился Петрусь. Въ этомъ затруднительномъ случаѣ, она просила вѣрную ей Анастасію, которая въ этихъ обстоятельствахъ имѣла болѣе возможности.

Просьба Анастасіею не была забыта, помощь была оказана.

Спустя послѣ сего нѣсколько дней, силы плѣнника мало по малу начали возобновляться и приходить въ то состояніе, въ которомъ онъ находился до тягостной работы. Оправившись совершенно, Петрусь благодарилъ Про-

видѣніе, пославшее ему избавителя, но онъ не зналъ, кто имѣлъ попеченіе объ немъ и кто принималъ участіе въ его жалкомъ положеніи. Анастасія дѣйствовала тайно, также чрезъ приближенныхъ къ ней и вѣрныхъ невольниковъ, которыхъ могла даже она назвать друзьями своими.

Сонъ — подкрѣпитель нашихъ тѣлесныхъ силъ и лучшее лѣкарство во всѣхъ болѣзняхъ, былъ у Петруся, можно сказать, самый лучшій. Въ сладкихъ сновидѣніяхъ, выздоравливавшій больной, переселялся въ домъ родительской, на свою милую родину; иногда ему представлялась милая Прония, добрые друзья, радушные знакомые, что все это вмѣстѣ крѣпило силы бѣднаго Петруся и утверждало его надежду, что рано или поздно это онъ будетъ видѣть и не во снѣ.

О выздоровленіи Петруся Анастасія не преминула увѣдомить Зобеиду. Тихая радость, какъ совѣты друга, проникала въ сердце дочери Бея и заставляла ее думать только о томъ, какъ бы освободить Петруся изъ плѣну отъ ея отца.

Она чаще обыкновеннаго начала гулять въ саду, который окружалъ заднюю часть палатъ, гдѣ бывала или съ своимъ отцомъ или съ Анастасіею, или даже одна. Эти прогулки она дѣлала единственно для того, чтобы частымъ своимъ посѣщеніемъ приучить къ себѣ работавшихъ невольниковъ. Зобеида приказала даже старшему садовнику, чтобы онъ сказалъ невольникамъ, что когда она будетъ находиться въ саду безъ отца, то чтобъ они не покидали работы при

ея приближеніи къ которому нибудь изъ нихъ.

Въ одно утро, Зобеида проходя со многими женщинами подлѣ аллеи, усаженной гіацинтами и тюльпанами, между ними замѣтила одного невольника, котораго величественный ростъ и стройная талія показывали не простаго раба.

» Это *онъ!* « думала про себя Зобеида; » точно *онъ!* хотя я никогда хорошо не видала *его* въ лице. «

Тщательно дочь Бея замѣтивши тотъ кустъ, у котораго работалъ невольникъ, удалилась въ ближайшую тѣнистую аллею, а окружавшимъ ее женщинамъ велѣла идти въ другую сторону. Бывши одна, Зобеида на случившемся съ нею пергаментѣ написала карандашемъ нѣсколько

строкъ; послѣ чего побѣжавши, подобно сернѣ, кинула написанное на платье невольника, лежавшее близь одного куста.

По окончаніи въ назначенный часъ работы, Пепрусъ — этотъ невольникъ былъ онъ, — подошелъ къ дуплу того дерева, гдѣ скрывалась его одежда и орудія. Пергаментъ, попавшійся нечаянно ему въ руки, удивилъ его. Онъ началъ со вниманіемъ оный разсматривать и удивился еще болѣе, когда увидѣлъ, что на немъ написано было на Французскомъ языкѣ нѣсколько словъ, которыя заключали въ себѣ слѣдующее: »Не отчаявайся, молодой плѣнникъ, чтобы твои непріятели, окружавшіе тебя въ плѣну, желали твоей погибели; напротивъ — твои друзья, оставшіеся въ арміи, употребляютъ всѣ свои силы, чтобы осво-

бодить тебя. Узнай, что твой отецъ скоро пришлетъ за тебя значительный выкупъ, которымъ ты будешь въ возможности искупить свою свободу. Алла, самъ великій Алла покровительствуетъ тебѣ. «

—Чья рука начертала сіи драгоцѣнныя строки, въ которыхъ скрывается извѣстіе о моей свободѣ? радостно вскричалъ Петрусь. Кто бы это былъ, интересующійся знать о моемъ положеніи? Кто здѣсь можетъ знать хорошо и моихъ друзей, и моихъ родственниковъ? Неужели самъ Гамза-Бей дѣлалъ это....

Удивленіе, радость и безпокойство тѣснились и боролись въ груди Петруся.

» Долженъ ли я совершенно надѣяться на это извѣстіе?« говорилъ опять

самъ себѣ бѣдный Петрусь. »Можетъ быпь это есть хитрость моихъ непріятелей.« Чѣмъ больше плѣнникъ объ этомъ размышлялъ, тѣмъ меньше находилъ правдоподобнаго, чтобы это письмо прислалъ къ нему Бей.

»Скорѣе отъ него можно ожидать *жестокости, чѣмъ сострадания,*« думалъ Петрусь; »скорѣе онъ меня предастъ въ руки жестокихъ палачей, чѣмъ будетъ думать о моемъ спокойствіи.« Онъ дрожалъ и рѣшался уже изорвать пергаментъ, какъ въ ту минуту, когда хотѣлъ это сдѣлать, услышалъ голосъ, который, казалось, говорилъ ему: »Стыдись малодушія своего, *несчастный человѣкъ!* Неужели ты не вѣришь въ Святое Провидѣніе, пекущееся какъ о всякомъ человѣкѣ, такъ и о тебѣ? Неужели несчастія, мученія тебѣ еще не надоѣли?«

Петрусь, услыша сіи слова, опустилъ руки и обратилъ свои взоры на небо.

» Прости меня, Существо Высочайшее! « сказалъ онъ; » прости одного изъ виновнѣйшихъ сыновъ Твоихъ, и позволь мнѣ принести Тебѣ мои благодаренія и мои моленія! «

Петрусь снова принялся разсматривать пергаментъ; онъ полагалъ, что есть какая нибудь чувствительная душа изъ жителей сераля, которая, сжалясь надъ нимъ, сдѣлала это для его утѣшенія. По слогу же и гордости написаннаго, онъ догадывался, что особа, писавшая это, была изъ важной фамиліи.

Чѣмъ больше Петрусь предавался размышленію, тѣмъ болѣе онъ терялся въ лабиринтѣ загадокъ; онъ желалъ отгадать эту загадку, и

въ то же время, какъ бы одушевленный признательностію, обратилъ мысли свои къ Существу Высочайшему, не оставлявшему ни кого въ крайнихъ бѣдствіяхъ, въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Онъ отъ души благодарилъ Его какъ за избавленіе отъ терзаній, такъ и за приближавшуюся минуту свободы.

» *Точно!* « вскричалъ *Петрусь*, сложа крестообразно на груди своей руки и обратя наполненные слезъ глаза на небо, » точно, Существо Высочайшее, Ты не оставило меня на послѣднемъ шагѣ къ гробу! Ты руководствуешь каждымъ изъ смертныхъ! Такъ, я вѣрю этому! «

Послѣ сихъ словъ, сказанныхъ съ видимою горячностію, *Петрусь* спряталъ пергаментъ и возвратился на свое мѣсто болѣе обрадованными шагами.

Зобеида издали смотрѣла на его внутреннія движенія, которыя не скрылись отъ ея проницательнаго взора. Она внутренно радовалась, что всѣ планы ея и намѣренія исполнялись. Она, казалось, хотѣла лично Петруся упѣшить и съ своей стороны благодарила Провидѣніе за всѣ удачи.

Паничь въ продолженіе слѣдующаго времени занимался работами со всѣмъ стараніемъ и со всею ревностію. Анастасія также знала, какимъ образомъ нужно было ему покровительствовать, дабы время работъ сдѣлать для него гораздо сноснѣе.

За исключеніемъ отца, нѣсколькихъ невольницъ-женщинъ, ее окружавшихъ, взоры Зобеиды ни на какомъ смертномъ никогда не останавливались, какъ на Петрусѣ; даже самый Паша Абдурраманъ, наречепный ея мужъ, не произ-

водилъ надъ ней никакого пріятнаго впечатлѣнія. Стройный станъ Петруся, благородное выраженіе въ чертахъ лица, которое, не смотря на претерпѣнныя имъ несчастія, не смотря на отращенную бороду и на разорванное платье, можно было хорошо разсмотрѣть. Несчастія Петруся придавали ему въ глазахъ Зобеиды большіе цѣны. Ея душа и сердце были ежеминутно заняты только имъ; во всемъ окружавшемъ ее видѣла она только его. Самый разумъ не могъ устоять противъ чувствъ любви, и она часто прибѣгала къ гаданіямъ, какъ бы находя чрезъ это себѣ спокойствіе. Зобеида употребляла всѣ средства, всѣ хитрости, лишь бы только видѣть ей предметъ всѣхъ ея мыслей. Взоръ Петруся, счастливымъ случаемъ представлявшійся ей въ

саду, наполнялъ ея сердце изъяснимымъ блаженствомъ и счастіемъ. Она тогда не сводила съ него томноголубыхъ глазъ своихъ, и вмѣстѣ съ этимъ крайне сожалѣла, что такой прекрасный человѣкъ терпитъ ужасныя мученія въ ея отечествѣ, терпитъ тогда, когда бы долженъ наслаждаться спокойствіемъ въ кругу своего семейства. Ея воображенію представлялись очаровательныя мечты: Зобеида представляла себѣ то благополучіе, когда она нѣкогда говорила съ нимъ, когда слышала отъ Петруся тѣ занимательныя произшествія, которыя случались съ нимъ, а вмѣстѣ съ этимъ Зобеида боялась, чтобы кѣмъ нибудь не были узнаны намѣренія ея....

Молодой плѣнникъ наконецъ сдѣлался единственнымъ предметомъ разго-

воровъ всѣхъ женщинъ, окружавшихъ Зобеиду; каждая изъ нихъ хотѣла о немъ знать хотя что нибудь. Ихъ любопытство удовлетворяла порою Анастасія.

Однажды Зобеида, бывъ на единѣ съ нею, больше всѣхъ ею любимою невольницею, сказала ей:

»*Я желаю видѣть того плѣнника*, который сдѣлался теперь предметомъ разговоровъ всѣхъ здѣшнихъ женщинъ. Анастасія, прошу тебя, найди способъ удовлетворить мое нескромное желаніе.«

— Нѣтъ ничего легче, смиренно отвѣчала Анастасія, какъ сдѣлать это. Гамза-Бей на дняхъ долженъ будетъ (какъ уже это извѣстно) отправиться въ Венгрію для заключенія тамъ переговоровъ къ начатію войны съ Нѣмцами, то, воспользовавшись

его отсутствіемъ, можно будетъ удовлетворить вашему желанію.... Тогда вполнѣ можете вы узнать характеръ сего несчастнаго плѣнника, узнать его сердце, а тогда будете судить, точно ли онъ стоитъ вашихъ объ немъ попеченій.

» Ахъ, Анастасія! « говорила Зобеида, » какъ тогда я буду счастлива, съ какимъ удовольствіемъ буду взирать на тѣ тягостные для него дни, которые онъ обязанъ проводить здѣсь! Я буду осиротѣлую душу его подкрѣплять цѣлительнымъ бальзамомъ, утѣшительною радостію, милою, очаровательною надеждою, чрезъ что онъ и въ самомъ заточеніи своемъ найдетъ отрадное утѣшеніе!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.